

ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

**Л. ЛОГУНОВА, доцент
МГУ им. М.В. Ломоносова**

В конце XX века на родину вернулись произведения репрессированных, изгнанных из России в 1922 году представителей русской духовной элиты начала века. Была сделана попытка преодолеть драматический *раскол* русской культуры, восстановить прерванную идеиную традицию. Современное прочтение возвращенных текстов позволяет не только более глубоко пережить и понять их основные сюжеты и смыслы, но и другими глазами увидеть современную историческую ситуацию. На основе обретенного таким образом исторического опыта вновь попытаться ответить сегодня на традиционные российские вопросы.

Хотя философские произведения пишутся «для всех и не для кого», имеют собственную судьбу, отделяются от создателей, претендуя на универсализм и всеобщность, они удивительным образом воспроизводят судьбу своих создателей, жизненно-культурный опыт которых непосредственно входит в текст. Творческая судьба философа, таким образом, становится методом понимания истории, способом самоопределения и самопонимания для современного читателя.

Историческая дистанция современности, опыт «второго чтения» (М.К.Мамардашвили) позволяют в творческой биографии русского философа обнаружить, понять и пережить типические характеристики русской души, русской культуры. Судьба Николая Бердяева, как, пожалуй, никогда ранее, отразила трагические сюжеты своего времени. Но в его биографии проявлены и более глубокие основания русской культуры, ее «первосмысл», «основной сюжет», парадигма, задающая ответы на смысложизненные вызовы, определяющая поведение индивидов и содержание национальной истории.

Николай Бердяев – человек судьбы

Творческая биография Николая Александровича Бердяева, его судьба в этом отношении является своего рода «классическим произведением», а сам философ – культурным героем, персонажем, представляющим идеальный тип русской культуры. Судьба Бердяева становится методом понимания судьбы России, судьба России задает контекст понимания жизни и творчества философа. *Человек своего времени оказывается человеком судьбы.*

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – русский религиозный философ, публицист, общественный деятель – родился в Киеве в аристократической семье. Со стороны отца семья была представлена потомственными профессиональными военными. Род матери будущего философа своими корнями был связан со знатными фамилиями России и Франции, с аристократией Юго-Западного края с сильным западным, польским и французским влиянием. Мать по воспитанию и по характеру была скорее полуфранцуженкой, всю жизнь она писала и говорила по-русски не без ошибок. Городская аристократическая жизнь, лечение печени и «нервов» за границей составляли круг ее забот и основных занятий. Отец был по-русски непрактичным, мало приспособленным к реальной жизни, что и привело к продаже родового имения и переезду в Киев. В семье Бердяев постоянно ощущал некое неблагополучие, *надлом*, незащищенность домом, одиночество. К своим родителям он относился, как к детям. Атмосфера семьи напоминала мир романов Достоевского.

Несмотря на определенное «западничество», быт семьи был типично русским, патриархальным. Детство Бердяева прошло в

атмосфере большой свободы и независимости, в семье совершенно отсутствовала авторитарность, детей не наказывали, не стесняли, ими особенно не занимались. Дети были поручены няне из бывших крепостных деда Н. Бердяева, которая вырастила до этого не одно поколение Бердяевых. Добрая, заботливая, преданная, очень религиозная, православная, она стала своеобразной частью семьи, пользовалась признательностью всех ее членов. Няня Бердяева была типичной в русской культуре связью дворянских детей с народом. Образ няни не в последнюю очередь был источником обобщенного идеализированного образа народа и у детей, и у родителей.

Семейный климат характеризовался достаточно прохладным отношением к религии. В детстве Бердяев не получил «религиозной прививки» дисциплины души. Всю жизнь он не любил священников и военных за догматизм и муштру. Свою сознательную религиозность он строил на произведениях Достоевского. Для психической атмосферы семьи была характерна повышенная, на грани нормы эмоциональность и вспыльчивость. Истерики матери, барская несдержанность отца, его приступы гнева вызывали у Бердяева чувство отвращения и стыда, желание избавиться в себе от барства – русского варианта аристократизма. Явным психическим заболеванием страдал брат Бердяева – Сергей Александрович. Но гневливость, головные боли, бессонница, депрессии, нервные подергивания в лице и теле всю жизнь преследовали, то обостряясь, то затихая, и Николая Бердяева.

В ранней юности на него оказали огромное влияние произведения А.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, а также А. Шопенгауэра. Русская литература и философия на всю жизнь становятся его «духовной родиной». Позднее он зачитывается произведениями Ф. Ницше, Г. Ибсена, С. Кьеркегора. Замкнутый образ жизни без сверстников и товарищей, в чтении, которым никто не руководил, повлиял на формирование чувства личной независимости, «изначальной свободы»

и любви к родине, которая доходила, по его утверждению, до фанатизма. Вспыльчивый, «огненный» (Степун), «анархический» характер Бердяева воспринимал любую дисциплину как насилие, поэтому для него была совершенно неприемлема фамильная карьера военного. У него появляется интерес к отвлеченным философским идеям и желание стать профессором философии. Вопреки воле родителей, он поступает в Киевский университет, сначала на естественный факультет, а затем переходит на юридический. В университете Бердяев знакомится с марксистской литературой, которая, однако, не изменила идеалистической направленности его мировоззрения.

За работу в киевском отделении «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Бердяев был исключен из университета и выслан в Вологду. В ссыльной Вологде собрался цвет оппозиционной интеллигентской элиты России. Страстные дискуссии стали для Бердяева своеобразным университетом. Бердяев – будущий профессор Московского университета и почетный доктор Кембриджского университета – не получил систематического академического образования, не прошел дисциплину школы.

После окончания ссылки в тридцатилетнем возрасте Бердяев женится на Лидии Юдифовне Трушевой, которая стала его близким другом, разделив все сложности судьбы философа. Детей у них не было. До революции 1917 года Бердяев занимается публицистикой, активно сотрудничает в оппозиционных журналах, разрабатывает идею «нового религиозного сознания», которое должно было стать универсальным способом преобразования общества, совершенствования личности. Прощание с Марксом прошло безболезненно, он никогда не был фанатиком одной идеи. Отличительной чертой его характера была «безумная расточительность» ума и души, вызывающая нередко недоумение и нарекания друзей и коллег.

Круг его интересов чрезвычайно широк. Бердяев участвует в различных дискуссиях

на религиозные и социокультурные темы, его выступления на собраниях «Религиозно-философского общества памяти В. Соловьева» и публикации – всегда рыцарские атаки. За широтой интересов и обилием чужих мыслей часто трудно было уловить собственную позицию Бердяева, но проступала главная тема – тема свободы, которую он разрабатывал всю жизнь. *Пафос свободы* оказывается принципом, определяющим жизнь и творчество, судьбу философа, основные сюжеты всех его произведений.

Фундаментальная задача философии – понимание человека как творческой и бого-подобной личности, продолжателя незавершенного Богом процесса творчества. Мир «сей», с его трагедиями и несправедливостью, должен быть преодолен творчеством свободного человека. «Творчество рождается из свободы. Творчество – тайна. Тайна творчества есть тайна свободы. Тайна свободы – бездонна и неизъяснима. Так же бездонна и неизъяснима тайна творчества» [1]. Тема свободы и личности в его произведениях как этого периода, так и далее представлена противоречивыми настроениями: трагизмом и решимостью совершить революцию духа, переживанием одиночества и порывом к всепобеждающей соборности, чувством падшести бытия и верой в преображающую спасительную силу свободы человека.

В послереволюционные годы Бердяев занимался педагогической деятельностью, его лекции имели большой успех в очень разнородных аудиториях. И хотя отношение к Октябрьской революции на протяжении жизни у Бердяева было противоречивым, он считал, что главным смыслом революции было обнажение корней русской жизни, правды о России. По его мнению, в результате революции в России образовался новый антропологический тип, полуинтеллигенция, народная интеллигенция с огромной волей к власти, жаждой жизни, с характерной для нее культурной упрощенностью и элементарностью.

За активную просветительскую («кон-

трреволюционную!») деятельность Бердяев был выслан из России. В эмиграции (Берлин, Париж) Николай Александрович плодотворно работает, его произведения приобретают европейскую известность. В годы Второй мировой войны Бердяев занимает явно выраженную патриотическую позицию и попадает в сложное положение человека, который ни для кого не был своим. После войны в 1947 году ему была присуждена почетная степень доктора Кембриджского университета.

В вынужденной эмиграции основными темами его творчества остаются проблемы этики, религии, философии истории, личности. С позиции «примата свободы над бытием» Бердяев исследует современную ему русскую историю, ее истоки и смысл, определенность глубинными структурами русской культуры. Главным сюжетом всех его произведений является смысл существования человека и (в связи с ним) смысл бытия, «определение которого может быть только антропцентрическим». *Личность, Дух, Свобода, Творчество* предстают как структурирующие принципы культурного пространства, как различные аспекты одной темы. Для ее разработки нужен особый, экзистенциальный, язык и особый, антропцентрический, метод. По глубокому убеждению Бердяева, экзистенциализм может быть только русским.

В произведениях Бердяева свобода приобретает онтологический смысл. Безосновная, иррациональная и трансцендентная свобода является субстанцией человеческого существования, человеческая свобода коренится в «Ничто». «Ничто» понимается как первичный принцип, предшествующий Богу и миру, как первоначальный исток бытия. К свободе неприменимы категории добра и зла, бытия и небытия. Всесильный Бог не обладает властью над несотворенной свободой, Бог присутствует в свободе и действует через свободу. Тем самым несotворенная Богом свобода становится основанием как теодицеи, так и антроподицеи. Онтологизированное зло, погружен-

ное в бытийственный хаос, отделяется от Бога и человека, что делает возможным творчество как путь гармонизации бытия. Но поскольку творчество также происходит из свободы, то противоборство зла и творчества составляет сущность новой религиозной эпохи – «эпохи третьего откровения», ожиданиями которой наполнены многие произведения Бердяева.

Признание неподлинности, падшести эмпирического мира объектов, напряженную устремленность к трансцендентному Бердяев считал необходимым условием признания первичности духа как творческой реальности. Свержение власти объективации, прорыв к духовному миру и составляет сущность и содержание персоналистической революции, смысл ответа человека на призыв Бога. Не человек требует от Бога свободы, а наоборот, Бог призывает человека к творчеству. В этом Бердяев, как и Достоевский, видит «достоинство богоподобия человека». Свобода человека является его обязанностью, тяжким бременем, ответственностью. Человек *поработлен* свободой. Свобода – «трудность», страдание и бремя, от которого человек стремится избавиться. Огромная масса людей не любит свободы и не ищет ее. Человек бежит от свободы в рабство, в мир объективаций.

Популярная в классической отечественной философии идея Богочеловечности, без которой немыслима русская культурная идентичность, становится центральным пунктом эсхатологического, антропоцентрического проекта Бердяева. Через Христа сыновний Богу человек призывается к участию в «восьмом дне творения». Но для человека преображение достижимо только его свободной любовью к Богу. Христианство толкуется как религия свободы, религия Богочеловечества, основанная на тайне встречи двух природ, соединяющихся, но не смешивающихся. Соединение человечества с Божеством рассматривается как «результат проникновения Св. Духа в путь истории и культуры», история человечества предстает как развитие личностного начала

человека, его движение к творческому единению с Богом, к подлинному миру, царству Духа. Через путь Богочеловечества утверждается личность и свобода человека. Задача человека – постичь «Божью идею» о себе и реализовать ее в творческом процессе, в осуществлении «замысла Божьего в мире». Эсхатологический проект является и ответом на мучительный русский вопрос: «Что делать?», и новым гуманистическим мировоззрением. Персонализм Бердяев считал учением и практикой XXI века.

Универсалии персоналистского экзистенциализма становятся в философии Бердяева принципом понимания русской культуры, инструментом исследования «русской идеи». Этим концептом объединяются различные феномены отечественной истории: «русское общество», «русская нация», «национальное сознание», «русский народ», «русская душа».

В русской душе, считает Бердяев, объединены несочетаемые начала, неисчислимое количество тезисов и антитезисов: свобода и порабощенность, революционность и консерватизм, новаторство и инертность, предпримчивость и лень, эсхатологизм и нигилизм, радикализм и безответственность [2]. Эти особенности русской души проявились в таких свойствах русского народа, как деспотизм и анархизм, вольность, жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость, обрядоверие и искание правды, обостренное сознание личности и безличный колlettivism, национализм и универсализм, всечеловечность, эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие, искание Бога и воинствующее безбожие, смиренение и наглость, рабство и бунт [3]. Сущностью русской самобытности Бердяев считал «коммюнотарность» (общинность), мистическое чувство единения, принадлежности к сакральному «Мы». «Мы» и становится специфическим принципом русской идентичности, который противопоставляется западному индивидуализму как источнику и причине кризиса современной

цивилизации. Русская душа устремлена к абсолютному.

Русским культурным героем (типов) является странник с минимальными потребностями, смиренiem, доходящим до высших форм самомнения, воспринимающий свою униженность как святость, свою *неукоренность как вселовечность*. «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземленности. Странник свободен от «мира»... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищащих невидимого града» [2, с.303].

Печален, уныл и опасен у Бердяева «пейзаж русской души»: степь, овраг, обрыв – бездомность, бесформность, беспочвенность. Ландшафт для странника, скитальца, отщепенца, человека, «которому некуда идти» (С.Л. Франк). Вечное искание невидимого града Китежа, незримого дома – занятие, освобождающее от строительства собственного земного дома, от его обустройства и заботы о нем. Странники града своего не имеют, они ищут града, не ими построенного, может быть, мечту об утраченном родном доме. Святая Русь, Град Китеж – русский метафизический дом, культурное пространство России с нечеткой структурой, с непроявленностью аполлонического начала, начала порядка, формы, закона. Но и русский дionисизм, в отличие от эллинского, – варварский. Россия – страна *бытовой свободы*, духовного опьянения. Русский человек тяготится бытом, семейными обязанностями, воспринимает их как насилие, принуждение, печалится о страданиях мира и мучает близких, «всечеловечен» и не уважает личность в другом и в себе. Личность подавлена в органическом

коллективе. Русский человек не любит культуру, боится культуры, в нем нет «воли к культуре», к порядку, к контролю стихийности. Отсутствие порядка переживается как индивидуальная свобода.

Дуализм, разорванность, двойственность – симптомы болезни русской души, отражающие поставленный Бердяевым диагноз, выявляющие причины болезни и смысл назначенных рецептов. Причиной болезни русской культуры является невыделенность аристократического начала – формы, а действенным средством ее лечения становится преображение истории, *религиозная эманципация личности*, которая разорвет связь индивида с «животной теплотой национальной плоти» и создаст, наконец, мужественный дух, *мессию*.

Однако *сверхрациональное*, религиозное сознание не способно создать *собственный, национальный* дискурс культуры, *самосознание* культуры, самостоятельность национального героя. Это социокультурная функция Логоса. Логос отделяет людей от богов, от природы, делает их *строителями, демиургами* собственного культурного дома. Религиозный дискурс и религиозные практики создают не строителей, обустраивающих землю, а святых, пророков, аскетов, мучеников, проповедников, странников, устремленных к небу. Свободная творческая личность, о необходимости которой так долго и много говорит Бердяев, занятая *преображением* бытия в соавторстве с Богом, совершенно «не озабочена» презренным миром объективаций (культурой!), ограничивающим творческую свободу и поэтому подлежащим преодолению. А поскольку атрибутом личностного начала является свобода, то начало формы в таком случае будет принуждением, которое подлежит преодолению.

Было бы несправедливо не видеть в работах Бердяева искренней боли и страданий за судьбу России. «Душа России» – самое проникновенное и исповедальное произведение Бердяева. Русская культура и собственная судьба в нем неразделимы.

Культурологический трактат становится проявлением собственного внутреннего духовного мира, провидением собственной судьбы, прочитывается как *исповедь* его автора. В конце жизни Бердяев пишет экзистенциальную автобиографию «Самопознание», в которой он искренне и достаточно откровенно *рассказывает* о своей жизни себе и читателю.

В стиле мышления, в «живости» философствования Бердяева проявлены особенности русской жизни и русской культуры: «сверх-логичность», «сверх-систематичность», мистицизм, интуитивизм. Познание осуществляется посредством воображения, многозначности символов и экспрессивности метафор, что позволяет проникнуть во внутреннее устройство жизни человека в соизмерении с абсолютной Личностью. Задачей и призванием философа становится создание антропологического проекта, методом его реализации – опыт самопознания. «Антропоцентрический опыт» Бердяева – синтез противоречащих типов рациональности, противоположных способов утверждения человека в мире: генетического и экзистенциального. Синтез проблематичный: один тип рациональности утверждает, утверждает смыслы, другой – их разрушает, «ничтожит». В методологическом дуализме, характерном для мышления Бердяева, проявлено культурное *двуязычие* России. В антропоцентрическом опыте Бердяева «прочитывается» «основной сюжет» русской культуры. Сам Бердяев становится «проводником» в основной сюжет, в архетип культуры России. Архетипический сюжет проявляется в анализе судьбы героя от ее конца к началу через столкновение смыслов его «линии жизни».

«Основной сюжет» русской культуры (основной миф, первоисход, культурообразующая метафора, идеальная сюжетная схема, основной конфликт, культурный архетип), безусловно, не реализуется в чистом виде в определенном произведении, поступке или историческом событии. Но им задаются смыслы конкретных событий, ус-

танавливается родственность проясняющих друг друга различных феноменов, из которых он может быть выявлен и описан. Символическая наполненность идеальной схемы позволяет понять стиль (единство, общность многообразия) российской культуры, принципы российской идентичности, поскольку выводит за пределы конкретного, исторического в сферу космического, архетипического. Мифом задается базовая модель культурной *идентичности*.

Ядром смысложизненной ориентации является самоидентификация. Самоидентификация неизбежна для любого человека. В основе идентичности лежит как самосохранение «вообще», так и в определенном качестве: ученого, философа, христианина, русского и т.д. Формула идентичности «Если хочешь быть собой, поступай определенным образом» представляет категорический императив жизни – *береги себя*. Базовой культурной идентичностью является идентификация через оппозицию «свой – чужой». Самоидентификация основывается на разграничении «свое – чужое», посредством которого человек соотносит себя с определенной группой и признается ею. «Свое» – все, что способствует самосохранению. Свое требует защиты, заботы, *свое = хорошее*. Чужое, в границах этой же самоидентификации, – все то, что препятствует, что вредно, опасно, враждебно, чего следует избегать, что должно быть уничтожено, преобразовано. Чужое = *плохое*. «Свое» – *добрьо*, «чужое» – *зло*.

Специфика русской идентичности порождена травматическим мифом,граничной ситуацией утраты собственного культурообразующего мифа, разрыва органической связи человека и жизни. Насильственная христианизация, переживаемая как психическая травма, отражает суть кризиса инфантильной идентичности. Формула культурообразующего мифа России – «Бог умер. И это Они убили его». Враг определен, но нет «своих», «свои» умерли, чужое теперь тоже наше. Именно чужим задается последующая сознательная куль-

турная ориентация на Европу. **Они, чужие**, принесли второй культурный язык. Однако второй язык не только позволяет осваивать чужие культурные ценности, но и отделяет от них, усугубляет различие своих и чужих ценностей. В социуме действуют параллельно два мифа, две культуры: старая («своя») – плохая и новая («чужая») – хорошая. Каждая воспринимает другую как чужую, враждебную. Новая культура утверждается как антипод старой посредством ее сознательной дискредитации. Из двух противостоящих друг другу культур ни одна не является естественной, абсолютной «зоной безопасности». Возникает напряженное противостояние между «своим» и «чужим», которым и определяется судьба и история России.

Русская культура строится на противопоставлениях: язычество – христианство; старое – новое; Россия – Европа; славянофильство – западничество; интеллигенция – народ; патриоты – космополиты; Москва – Петербург и т.д. Старое и новое не просто поменялись местами, культурные символы становятся амбивалентными, культурный *разлом* пронизывает всю систему культуры, изменяя ее тип. Формируется специфический культурный дискурс России – двуязычие (культурный билингвизм): чужое принимается за свое. И даже хуже, не различается свое и чужое, утрачен *инстинкт самосохранения*. В результате не сформирована «надежная» картина мира, не выстроен «метафизический дом», свой защищающий Космос. Разрушены «база безопасности», естественное чувство *семьи*, идентичность через принадлежность своим. Утрачен культурный архетип, которым задаются абсолютность ценностей, устойчивая структура целого, *органический порядок распределения ролей*, ответственность индивидов. Не создана социальная конструкция заботы, защиты, доверия, любознательности, которая должна воспроизвестись в культуре в качестве социальной нормы. Инфантильный опыт страха, беспомощности, беззащитности, бессилия, вы-

тесненный в сферу бессознательного, задает образ жизни, отношение человека к миру, к другим людям, к себе.

Релятивизация ценностей разрушает способность культурной ориентации, что и составляет суть кризиса российской идентичности. Самоидентификация через релятивизацию ценностей создает ситуацию безнормности, аномии. *Нет норм*, существуют легитимные (в явной и неявной форме) выборы, которые осуществляются каждый раз «свободно», непредсказуемо и оправдываются «высшими соображениями». Типичными реакциями на аномию являются безразличие к средствам достижения цели, цинизм, экстремизм. Аномия – выражение кризиса социальных институтов и механизмов культурного наследования.

Патогенная детская ситуация, смерть родового мифа, определяет основной сюжет биографии русской культуры: поиск «зоны безопасности» *сиротами, беспризорниками*. Базовой референтной группой становится группа сверстников. Формируется культурная схема – «Мы», в которой «Я» утверждается в нечетко структурированном целом с амбивалентной ролевой стратификацией. Роли есть, но их можно не выполнять. Образом жизни первичного коллектива становится *выживание* индивидов, а экстремальная ситуация – нормой. Беспризорничество (страничество!) – «линия жизни» русской культуры. Собор, Церковь, самодержавие, большевистское государство, партия, команда, бригада, банда – метаморфозы этой первичной коллективности. Все сюжеты судьбы России являются тематизацией основного конфликта в обыденной жизни, в политике, в литературе и философии. Многообразие сюжетов не скрывает, а проясняет их родственность друг другу. Основные варианты – «бегство от всех» в свободу, одиночество, творчество и «бегство в собор», в родовое бессознательное.

Культурные схемы «Я-Мы», «Я-Они» заменяются схемой «Я-Другой», где «Другой» – «свой-чужой» – является потенциально враждебным. В различных социо-

культурных пространствах выстраивают-
ся и разыгрываются сценарии на тему ос-
новного сюжета — желание контролиро-
вать *другого*, управлять его поведением и
чувствами. Борьба за распределение и пе-
рераспределение властных ресурсов, сфер
влияния составляет основное содержание
культурных коммуникаций. Интериоризи-
рованный «Другой» — «второе Я» — сущ-
ественным образом влияет на оценки и са-
мооценки индивидов, на становление спе-
цифики русской души. Русская душа мало
чем дорожит, мало к чему привязана, спо-
собна на радикальные эксперименты, на
которые не способна западная душа. Бес-
покойное и мятежное русское скитальче-
ство, странничество духа — явление глубо-
ко национальное. *Нет понимания ценности жизни и инстинкта самосохранения.*

Глубинный анализ русской культуры
Бердяев проводит на обширном материале
русской литературы и русской философии,
подробно описывает симптомы болезни
«души России» и ставит диагноз. Духовный
алкоголизм (странничество, безответствен-
ность), истерия, психоз, раздвоение лично-
сти, фобии, апатия, агрессия, бред величия
(мессианизм, богоизбранничество), мисти-
цизм. В исследовании Бердяева произведе-
ния русских писателей и философов, их
личная судьба выполняют особую культур-
ную миссию. Они становятся персонифи-
кациями культурных первосмыслов, их со-
временными интерпретациями, представля-
ют смысловые структуры, которые ориен-
тируют понимание конкретной историчес-
кой ситуации. Таким образом, художе-
ственные и философские тексты переводят
довербальные первосимволы культуры на
язык современности.

Для Бердяева величайшим мыслителем
и трагическим писателем, русским нацио-
нальным гением, *воплощением русской идеи*,
русской души, судьбы русской куль-
туры, психологом и пневматологом русской
культуры являлся Достоевский. Он считал,
что «мир Достоевского» и есть персонифи-
кация культуры России, ее души. «Понять

до конца Достоевского — значит понять что-
то очень существенное в строje русской
души, значит, приблизиться к разгадке тай-
ны России» [4].

Но, пожалуй, никогда личная судьба че-
ловека не была так связана с исторически-
ми событиями, с судьбой России, как в годы
жизни самого Николая Бердяева. Философ-
ская биография Бердяева отражает «основ-
ной сюжет» русской культуры, своеобра-
зие российской идентичности, дискурс бес-
призорности во всех его модификациях: в
личной жизни, семье, характере, убежде-
ниях, типе мышления, мировоззрении. И
если в произведениях Достоевского пред-
ставлена душа России, то в работах Бердя-
ева — русский логос. Как и Достоевский,
свою философию и свою жизнь Бердяев
подверг испытанию свободой. Он настой-
чиво проводил мысль о неприкосновеннос-
ти свободы и ее нередуцируемости к необ-
ходимости и любым формам объективации.
Но свобода — очень серьезная тема. Свобо-
да — личностный, внеисторический вызов,
на который человек должен ответить сам.
Бердяев — фанатик свободы. Но за этим фа-
натизмом скрывается русский метафизиче-
ский страх осуществиться и, следовательно,
стать ответственным за свой выбор и соб-
ственную объективацию. Чтобы избавить-
ся от страха, достаточно объявить мир
объективаций неподлинным. Автаркия муд-
реца, безразличие к миру, принципиальная
«незабота» о нем — достаточно удобная, ис-
торически апробированная позиция в неус-
тойчивом мире, мире без гарантий.

Особенно остро комплекс беспризорни-
ка проявлен в записных книжках Бердяева.
«Пейзаж моей земной жизни — безводная
пустыня со скалами». «Меня всегда пле-
няла жертва любовью (к женщине) во имя
свободы». «Мое отвращение к политике
и совершающемуся в объективном мире
ведет не к уходу от этого мира, а к жела-
нию опрокинуть его». «То, чему я толь-
ко и могу довериться абсолютно, отдать
себя без остатка, и есть Бог и только Бог». «
Высшее иефархическое положение в мире

– быть распятым». «Ничего не переживаю авторитарно. Все от свободы и через свободу». «Очень люблю моих родителей, но у меня всегда было чувство, что я не от родителей родился, а пришел из какого-то другого мира». «Не могу удовлетвориться никакой действительностью, как реализацией». «Мое отношение к человеку, к мифу, к Богу не поддается повествованию. Оно не есть роман или драма: мой опыт совершенно имманентен. Человек, мир, Бог – мой путь, глубина во мне. Безграничность, безмерность». «Грех переживаю как несвободу» [5].

Но является ли свобода странников Бердяева конструктивным творческим принципом? Можно ли считать духовные скитания свободой? Может ли отрицание мира, неслужение миру быть великим положительным откровением? Свобода – путь «бегства от мира», отказ от заботы о нем, беззаботное существование индивидов, брошенность культуры. Свобода – современная терминология автаркизма. *Личность, свобода, творчество* – категории, «ничтожащие» эмпирические смыслы. Свою принципиальную неосуществленность и «беззаботность» личность представляет как высшую форму бытия человека, как самореализацию, как свое достоинство. Деструкция предстает как творчество, свержение кумиров – как творческий метод, безосновность переживается как свобода, самопознание становится самооправданием. Призрак полной совершенной личной свободы соблазняет намеком на некоторую жизненность. Но это ложный кумир. Такая свобода вовсе не является условием творчества. Свобода как отказ от мира сама становится симптомом страха неудачи, страха неподтверждения собственной самооценки, проявлением комплекса неполноценности, стремления к власти. Мир угрожает моей свободе, и я отказываюсь от мира, возвращаю Богу билет. Абсолютизация свободы в русском менталитете означает в конечном счете свободу человека от самого

себя, от ответственности за самоосуществление...

Но не все так мрачно в биографии русской культуры. В русской истории энергия архетипа реализуется и в продуктивном культурном творчестве. И самый знаковый пример – жизнь и деятельность М.В. Ломоносова. Ломоносов (как культурный артефакт) – изобретатель социального лифта «светского образования», социального института, посредством которого удовлетворена важнейшая культурная потребность в строительстве «русской школы», в созидании *русского логоса*, проявлена базовая культурная схема «учитель – ученик». Подлинное спасение русского человека – в конструктивной работе на своей земле, в ответственной заботе о мире объективаций, в строительстве собственного дома. В этой конструктивной заботе о жизни преодолеваются одиночество и страхи, враждебная отчужденность, укрепляется дух, обнаруживается истинная творческая природа человека, рождается новый культурный инстинкт духовного здоровья и самосохранения, обретается настоящая полнота и настоящая прочность, формируется «любовь к культуре», «воля к культуре», установка культуры на самостоятельность. Созидающий труд на родной ниве преобразует и самого деятеля. России нужен не мессия, ей нужны строители, учителя, врачи.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М., 1990. – С. 369.
2. Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. – М., 1992.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – М., 1995.
4. Бердяев Н.А. Мироизвержение Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках. – М., 1993. – С.110.
5. Бердяев Н.А. Из записных книжек // Дмитриева Н.Е., Моисеева А.П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). – М., 1993. – С. 262-268.